

скому краю на рассмотрение тройки, хотя в нем отсутствует заключительный процессуальный документ — обвинительное заключение. Но это уже детали. В один день 21 апреля 1933 года тройка «оперативно» выносит Постановление, которым 72-м человеком определяется высшая мера наказания — расстрел, среди них М. Л. Шукшин и два его дяди И. Шукшин и М. Шукшин. К 10 годам заключения приговариваются 58 человек, к 5 годам 33 человека, остальным лишение свободы заменяется 5 годами ссылки.

Вот как об этом позже рассказывал Ворогунин:

«...В Барнауле нас не судили, а только вывели на прогулку и сказали: «Вот слушайте, кому сколько дано лет сидеть. Отбывать мне прочли там 10 лет».

Все долгие 10 лет он провел на Колыме на реке Ола, работал на сплаве леса, но и после этого его еще сослали на 3 года на Дальний Север.

Основанием к пересмотру дела и возможности реабилитации осужденных послужили заявления Е. Малиевского, того самого, которого обвиняли в организации вредительской группы в Сrostках. Пробыв в местах заключения и ссылке около 20 лет, Малиевский в сентябре 1953 года писал: «...на протяжении всей моей жизни я верил и верю только в ленинско-сталинские идеи построения коммунизма в нашей стране. Никогда я не был и не буду вредителем своей Родины».

Письмо же И. И. Шукшина в Президиум Верховного Совета СССР было направлено в 1956 году, в нем автор считает, что его отец стал жертвой «...подлой подрывной политики врагов народа Ежова, Берия и сообщников». Просил он только сообщить жив ли отец и где находится, или в крайнем случае выслать «похоронную».

Проверка этих заявлений, начатая в декабре месяце 1956 года, сосредоточила в руках следователей справки, архивные документы, выписки из других уголовных дел. В частности, были приобщены показания, данные в 1938 году бывшим начальником УНКВД по Алтайскому краю Поповым, в которых он рассказал, что уголовное дело по «заговору» в сельском хозяйстве было полностью сфальсифицировано. Барнаульской группой руководил Жабреев, он подобрал себе людей, способных для этого. Этой группой только по двум делам было арестовано и осуждено тройкой свыше 2500 человек. За что Жабреев был повышен в должности и направлен начальником УНКВД по Каменец-Подольской области УССР. Свои показания Попов подтвердил на очной ставке с Жабреевым. Попов и Жабреев в январе месяце 1940 г. были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР к неопределяемой мере наказания, приговор был приведен в исполнение через два дня.

Эти обстоятельства позволили спустя 23 года возобновить производство по делу. Были допрошены сотни людей, большинство из них ранее репрессированных, члены их семей, односельчане. Многие подтвердили, что вообще никаких показаний не давали, а другие, что подписали их по принуждению.

Так, бывший председатель колхоза «Плани коммунизма» Ф. Жеребцов на допросе в 1956 году рассказал: «Лица, осужденные «тройкой» как участники контрреволюционной группы, якобы существовавшей, которую он возглавлял, были неопределяемо добросовестные колхозники». Подобные показания дали 41 человек. Материалами дополнительного расследования было полностью доказано, что так называемого контрреволюционного заговора в сельском хозяйстве Западной Сибири не существовало, материалы следствия были полностью сфальсифицированы.

Прокурорский протест был рассмотрен военным трибуналом Сибирского военного округа и 9 октября 1956 года трибунал в составе председательствующего подполковника юстиции Шалагинова и членов — подполковника юстиции Аксакова и майора юстиции Ижикова — своим определением всех — 171 человека — реабилитировал, из них 72 человека посмертно, среди них под порядковым номером 63 значится Шукшин Макар Леонтьевич.

В конце я хотел бы прокомментировать одно письмо, оказавшееся в материалах проверки. Это письмо Елены Александровны Кибяковой. Она в январе месяце 1956 года направила его в Президиум Верховного Совета СССР и просила сообщить, где находится ее муж — Петр Иванович, арестованный в апреле месяце 1933 года: «...обиднее всего, что я не знаю, где находится мой муж, да и жив ли он?».

Позже, во время проверки уголовного дела в связи с предстоящей реабилитацией, она была допрошена как свидетель. «Весна 33-го, — рассказывала она, — была для нас большой трагедией. Сколько молодых мужчин было забрано и за что, никому не известно. Мой Петр был ударником, получал премии деньгами, пшеницей и валенками. И вдруг «враг народа». Каждую весну, то на пасху, то в родительский день, мы,

* И. И. Шукшин — сын репрессированного дяди М. Л. Шукшина, Игнатия Павловича, двоюродный брат В. М. Шукшина.